

НОРА РОБЕРТС

NORA ROBERTS

ONE SUMMER

A Novel

НОРА РОБЕРТС

ОДНО ЛЕТО

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)
P58

Все права на издание защищены, включая право
воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения
Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат
Harlequin Enterprises limited или его корпоративным
аффилированным членам и могут быть использованы только
на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены
или творчески переосмыслены. Все аналогии
с действительными персонажами или событиями случайны.

One Summer
Copyright © 1986 by Nora Roberts

«Одно лето»
© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке,
«Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-521-87485-9

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ОДНО ЛЕТО

Роман

Глава 1

В комнате было темно, хоть глаз выколи. Но Шейд к темноте привык. Порой он предпочитал ее свету. Ведь для того чтобы видеть, не обязательно иметь глаза. У Шейда были очень ловкие, умелые пальцы и развитое внутреннее зрение, острое, как лезвие ножа.

Бывало, когда Шейд не работал, он просто сидел в темной комнате и изучал образы, которые создавало его воображение, их форму, текстуру, цвет. Если закрывал глаза и отпускал свои мысли, эти образы становились четче. Темноту и полумрак, часть своей жизни, Шейд чтит так же, как и свет, а жизнь с ее образами считал своей профессией.

Эта жизнь не всегда виделась ему так, как остальным. Иногда жесткая и холодная, она порой становилась гораздо мягче и нежнее, чем представлял себе занятой мир. Обыватель этого не замечал или не хотел замечать. Шейд наблюдал за этим, группировал отдельные фрагменты, манипулировал временем и формой, впоследствии оценивая их по-своему. Всегда только по-своему.

Теперь же, в темной комнате под тихую джазовую мелодию, доносившуюся откуда-то из угла, он работал руками и воображением. Осторожность и координация требовались ему постоянно. Медленно и аккуратно он вскрыл оболочку и перемотал на бобину непроявленную пленку. Закрыв проявочный контейнер светонепроницаемой крышкой, установил таймер свободной рукой, потом дернул за цепочку, и комнату залил янтарный свет.

Проявлять негативы и печатать снимки он любил так же сильно, как и фотографировать, порой даже сильнее. Работа в темной комнате требовала точности и аккуратности. Собственно, в жизни Шейд тоже не мог обойтись без этих качеств. Печатать снимков он относил к творческим экспериментам, как, впрочем, и жизнь в целом. То, что видел и чувствовал Шейд, обывателю можно было объяснить с помощью языка фотографии или, по крайней мере, представить в виде головоломки. А превыше всего было то удовлетворение, которое приносил Шейду процесс единоличного создания снимков. Он всегда работал в одиночку.

В данный момент Шейд занимался проявкой. Шаг за шагом. Температура, фотохимикаты, смеси, время... Он налил закрепитель в кювету. Янтарный свет отбрасывал блики на его лицо. Если бы Шейд захотел создать образ фотографа за работой, лучшей модели, чем сам, не придумал бы.

Волосы у него были темными. Закрывали лоб до самых бровей и уши, а сзади спадали на горловину футболки. Приличия не одобряли такой длинной прически, но ему было на это плевать, он никогда не обращал внимания на стиль, всегда был отстра-

ненным, почти холодным и резким. В карих глазах читалось напряжение. На бронзовом от загара лице, худом и суровом, выделялись четко очерченные скулы и подбородок. Рот от усилий вытянулся в тонкую линию. От глаз к вискам пролегли морщины, отпечатки эмоций. Их в его жизни, по мнению некоторых людей, было слишком много.

У Шейда в результате профессиональной травмы был сломан нос. Травму нанес камбоджийский солдат, но выразительный снимок города, пришедшего в упадок и заваленного отходами, все-таки появился. В связи с этим Шейд до сих пор считал состоявшийся «обмен» справедливым. Не все любят фотографов.

В янтарном свете его движения выглядели резкими. Спортивное гибкое тело — результат многолетней работы «в полях» (чаще всего на вражеской территории), когда приходилось много ходить пешком и часто пропускать обеды.

Последнее задание от «Международного обозрения» Шейд получил много лет назад, однако по-прежнему оставался поджарым и угловатым. Теперь работа изматывала не так сильно, как раньше, в самом начале, в Ливане, Лаосе и Центральной Америке, однако в целом мало что изменилось. Шейд по-прежнему много времени проводил с камерой, порой подолгу ждал нужного момента, а иногда тратил всего несколько минут, чтобы отснять всю пленку. Стиль и манеру его работы можно было бы назвать агрессивными, но именно благодаря этому Шейд смог пройти через все войны, что он освещал.

Награды, которых он удостоился, гонорары, которые теперь мог назначать сам, до сих пор не стали

важнее фотографий. Даже если бы его работы перестали узнавать, даже если бы за них перестали платить, Шейд все равно сидел бы в темной комнате и проявлял пленки. Уважаемый, успешный, богатый, он не нанимал помощников и продолжал работать в той же, что и десять лет назад, темной комнате.

Шейд повесил негативы сушиться, уже зная, на какие следует обратить внимание, правда пока не изучая их, отпер дверь темной комнаты и вышел. Завтра он выберет лучший на свежую голову. Такая роскошь была доступна ему не всегда. Но сейчас Шейд хотел пива. К тому же нужно было кое-что обдумать.

Он прошел на кухню и взял холодную бутылку. Открыв, бросил крышку в мусорное ведро. В чистой комнате из-за резкого черно-белого интерьера было не очень весело, хотя и не скучно.

Откинувшись назад, Шейд приложился к бутылке и высосал половину. Закурил, отнес пиво на кухонный стол и, развалившись на стуле, положил ноги на потертую деревянную поверхность стола.

Из кухни открывался вид на не самый шикарный район Лос-Анджелеса. Своеобразная изнанка города, грубая, жесткая, порочная, даже вечерние огни не добавляли ей очарования. Шейд мог бы переехать в более фешенебельный квартал или на холмы, откуда светившийся в темноте мегаполис казался сказочным. Но он предпочитал маленькую квартиру, окна которой выходили на неухоженные улицы города, славившегося блеском. Блеск раздражал Шейда.

А вот Брайан Митчелл специализировалась на этом блеске.